ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

НАСЛЕДНИКИ ХАОСА, №1

1

01100101
01101110
01101001
01101111

$$r = \frac{\mu}{v^2}$$

НЕ ЧИТАЙ ВСЛУХ...
ОНА УСЛЫШИТ

ИНТРО...

61.5240° N
105.3188° E

$$\Delta S = k \ln \Omega$$

Наследники Хаоса

Евгения Кретова

Интро...

«Автор»
2026

Кретова Е.

Интро... / Е. Кретова — «Автор», 2026 — (Наследники Хаоса)

Хаско думал, что грабит архив. Архив думал иначе.Бывший вор Хаско Болл, ныне агент галактической безопасности, вербует опального нейролингвиста Тимофея Резникова, чтобы вместе добраться до старого центра галактики, Рахакмы. Хаско уверен, что планета мертва, но ошибается.Рахакма читает мысли и превращает страхи в реальность. Она - ловушка. И ловушка захлопнулась

© Кретова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
1 6
2 7
3 10
4 13
5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Евгения Кретова
Интро...

Глава

Евгения Кретова
Наследники Хаоса
Интро…

1

Центральная гравитационная магистраль, сектор Кси,
Деймос, база «Эррóнщус», наши дни
//координаты засекречены //

Он слушал пустоту. И услышал крик.

Посреди тесной, напоминавшей скорее конуру, чем жилое помещение, каюты, на жестком напольном покрытии сидел молодой человек. На вид ему можно было дать не более двадцати пяти лет, хоть вертикальная морщинка на переносице сейчас углубилась и могла подсказать стороннему наблюдателю о тревожном и даже опасном прошлом хозяина этого помещения. Белые, словно свежий январский снег, волосы падали на его плечи. Руки расслабленно лежали на коленях ладонями вверх, демонстрируя аристократические пальцы и лаконичный перстень с печатью галактической службы безопасности. Глаза молодого человека были прикрыты. Он неглубоко и ровно дышал, хмурился.

— Эйр тан анфарэ́…

Его мысли витали за пределами обитаемой части галактики и ее транспортных коридоров, взгляд скользил среди вечной Пустоты. Он слушал космический ветер, свободные и горячие потоки которого разлетались по галактике и разносили, будто старые сплетницы, новости.

А новости в последнее время случались все больше печальные: пропавшие бесследно корабли, изувеченные экипажи, обездвиженные станции…

Что стояло за катастрофами: совпадение, происки космических пиратов или криминальные разборки? Галактическое сообщество старалось сохранять блаженное неведение.

Лишь немногие видели подлинное положение дел и связывали происходящее в одно тревожное целое. Эти немногие отмечали волокна единого умысла, фатальность несчастных случаев. За происходящим они просматривали строгие закономерности, а за ними — неуклонные изменения в материи всего сущего… в гравитации.

Юноша, сидевший в тесной каюте на потерянной среди пустоты станции, слушал ее.

Его сознание деликатно — чтобы не навредить — касалось невидимых глазу струн.

«Где же ты? — словно ревнивый любовник спрашивал он, вглядываясь в клубящийся на краю Пустоты мрак. Именно там — он чувствовал это наверняка — скрывалось то, что надвигалось с неизбежностью стихии. — Что же ты есть?»

Словно приведенный в действие часовой механизм, из недр Великой Пустоты слышался гул — это натягивались гравитационные струны, стонали под тяжестью неслыханного груза… и с протяжным стоном, от которого стыла кровь в жилах, рвались.

Сознание юноши потянулось за одной из них, коснулось невесомо — подушечки пальцев стало покалывать. Мгновение замешательства — и он упустил ее. Оглянулся — и увидел хаос взрывающихся планет и сталкивающихся звездных систем.

Человек на станции, потерянной среди звезд, распахнул глаза.

Почти прозрачные, они смотрели в полумрак и не видели ничего — в них все еще клубилась беспокойная тьма, металась, потревоженная неизбежной катастрофой. Постепенно взгляд юноши становился более осмысленным, а губы тронула горькая усмешка. Морщинка на переносице разгладилась, вернув молодому человеку почти беззаботный вид.

Его звали Хаско Делаувер Болл. Он был воспитанником древнейшего в галактике монашеского ордена, Ордена Мейданы, а еще вором на службе галактической безопасности.

И он стал первым, кто услышал, как умирает сердце галактики.

— Умри и будь забыт…

2

Посторбитальная станция «Заслон», наши дни

//точка Лагранжа L1 Марс – Солнце, сектор 7, пост Зет-4, 0.7 а.е. от Красной планеты//

— Тимофей… — начальник экспедиционного корпуса с трудом подбирал слова и морщил лоб. Ему было около пятидесяти. Один из самых старых работников компании, он принадлежал той самой «старой гвардии», которая первой вступила в контакт с представителями Единой Галактики, а теперь обеспечивала взаимодействие с официальными структурами Земли. Ему же выпала честь возглавить совместный с Единой галактикой проект по изучению внешних планет Солнечной системы. — Это не совсем то, что мы планировали обнаружить, понимаешь?

Земля, уютно вращавшаяся внутри гелиосферы, в галактическое сообщество не входила. По общему правилу. Но, как известно, правила создаются для того, чтобы в них делались исключения. Исключением для землян стало представительство в галактическом сообществе с правом совещательного голоса, иными словами — на «птичьих» правах. Другим исключением из правил стало привлечение некоторого количества землян к работе в структурах Единой Галактики: техниками на космических станциях, пилотах на кораблях с сенсорной навигацией… совсем редко земляне оказывались в числе ученых.

Двадцатидвухлетний Тимофей Резников оказался как раз одним из таких исключений. Его отец много лет служил техником на галактической станции «Тамту», бывшей учебной базой и космодромом основного базирования для космофлота, и юный Тим с подросткового возраста крутился на станции, помогая отцу. Он видел устройство Единой Галактики «изнутри», со стороны ее черного входа, что предоставляло юноше скорее преимущества, чем существенно ограничивало. Потому что он видел то, что тщательно скрывалось за фасадом цивилизованного благодушия: холодный расчет, манипуляции, откровенную ложь — все то, что нельзя было прочитать по губам, что не фигурировало в официальных отчетах.

Тим вырос, экстерном закончил земные образовательные учреждения и уже в семнадцать лет поступил в академию космофлота на факультет нейропрограммирования. Тимофей использовал навыки, полученные в «чуланах» Единой Галактики, в общении с отцовскими приятелями из разных уголков Вселенной, и стал инженером нейросемантических систем. Так что к нынешним двадцати двум годам даже успел побывать в парочке рискованных экспедиций.

Но «своим» он так и не сделался.

— Андрей Дмитрич… Я все могу объяснить!

Он хотел напомнить, что трудился в составе экспедиционного корпуса и изучал артефакты Марса до того, как до них доберется какая-нибудь амбициозная корпорация с родной планеты. И что немало преуспел в этом. В частности, именно он, хоть и самый молодой ученый в штате, обнаружил в песках Красной планеты следы древней цивилизации. Бесконечные тоннели, уходившие глубоко под поверхность, тончайшей работы гравировки, очевидно, служившие указателями, сотни километров окаменелых кабелей, воздухопроводов и соединительных тканей. Он заранее знал, что можно возразить руководству.

Но Андрей Дмитриевич предостерегающе поднял вверх указательный палец и шикнул на молодого ученого:

— Даже не начинай!

Согласно доминирующей гипотезе, разумная цивилизация, если таковая и существовала на Красной планете, пережила катастрофу и переселилась на пригодную для жизни Землю. Эту-то гипотезу и должен был подтвердить экспедиционный корпус. Проблема же заключалась

как раз в том, что все обнаруженные Тимофеем следы даже не говорили, они кричали о том, что цивилизация не принадлежала к числу гуманоидных. Все найденные им гравировки, тоннели, кабели не могли использоваться людьми. Письмена не находили аналогов среди земных манускриптов. Собственно, по этой причине к обнаруженным артефактам руководство Резникова и отнеслось без должного энтузиазма — с ними и финансирования можно лишиться.

И сейчас, выслушивая отповедь начальника, Тимофею оставалось согласно кивать и виновато помалкивать.

Он стоял, прижимая к груди стопку креодисков — тончайших кристаллических пластин с записанными на них ведомостями, отчетами и сметами произведенных работ, точным описанием найденных объектов с привязкой к местности и реестром координат.

— Эти данные, — проговорил начальник экспедиции и осторожно, будто чумную, ткнул пальцем серебристую коробку брошенного перед ним креодиска. От толчка тот снова ожил, выбросив над своей поверхностью голограмму древнего подземного города. Колонны, упирающиеся в округлые своды, грубоватые постаменты, на которых изображались диковинные твари, не то птицы, не то змеи. — Они никуда не годятся.

— Но…

Начальник экспедиции жестом снова велел ему замолчать. У Тимофея опустились плечи.

Андрей Дмитриевич помолчал. В задумчивости пожевал губы, будто не решаясь высказать то, что вертелось на языке. Во взгляде начальника экспедиции появился укор, ведь он так старался, чтобы талантливый парень *сам*сообразил, как нужно было «упаковать» находки. Вздохнул, подтолкнул к Тимофею креодиск и проговорил строго:

— Твою миссию я не закрываю исключительно из уважения к твоему отцу и желанию поддержать молодое дарование. Но в ближайшие дни тебе будет выдано предписание о смене объекта исследования. Надеюсь, тебе хватит времени все грамотно законсервировать и присоединиться к коллегам… Иди, работай.

Тимофей собрался с духом и решился высказать свои главные доводы — о ценности знаний самих по себе, как основы для дальнейшего анализа и поиска неочевидных связей — как раз в тот момент, когда портативный коммуникатор на его запястье окрасился предупреждающе-красным, а на экран выскочило системное сообщение: «Деактивация защитного контура. Код ошибки 404».

Тимофей нахмурился. Фрегат, на котором он прибыл на «Заслон» для выступления перед комиссией и доклада, был пришвартован к седьмому шлюзу. Он лично проверил все протоколы и запер внешний контур корабля.

Сердце ухнулось в пятки, кровь забилась в висках.

Доводы, приготовленные для начальника экспедиции, испарились в одно мгновение — кто-то пытается взломать его корабль!

«Введение резервного кода. Обход протокола аутентификации шлюза. Ошибка 2Z-749».

— Черт! — Тимофей, сунув короб с креодисками под мышку, выскочил из каюты начальника экспедиционного корпуса, даже не попрощавшись. Андрей Дмитриевич сокрушенно покачал головой и вздохнул, довольный, впрочем, что неприятный разговор завершен.

***

На ходу, игнорируя удивленные взгляды сотрудников станции, Тимофей перепроверял данные, отправлял запросы на центральный нейроузел своего фрегата. Однако, когда он уже ввел код консервации всех систем для последующей их ручной проверки, на экране его портативного-коммуникатора-креоника появилось новое системное сообщение: «Инициирование шлюзовой операции без верификации завершено».

— Вот зараза!

Тимофей перешел на бег. По дороге в зал стыковки ему попадались знакомые, кто-то даже пытался поддержать его после провала на заседании проектной комиссии. Его окликали, протягивали руки для приветствия, пытались похлопать по плечу. Тимофей рассеянно кивал и торопился на корабль. Он поднес коммуникатор к губам, вызвал рубку:

— Искин, предоставь справку по разблокированному шлюзу.

Искин выплеснул на экран схему фрегата со вскрытым шлюзом, отмеченным красным, клапан которого как раз завершал этап декомпрессии. Тимофей опять чертыхнулся: кто бы это не организовал, он уже проник на борт фрегата. Судя по всему, речь шла о резервном грузовом шлюзе, расположенном в килевой части, под брюхом корабля. Его редко используют, в основном — для экстренной дозаправки или необходимости подъема на борт крупногабаритного или опасного груза.

— Уже покидаешь нас? — лениво уточнил оператор стыковочного зала и зевнул. — Не поддержал шеф твою инициативу?

— Кто запрашивал доступ на борт моего фрегата? — вместо ответа уточнил Тимофей.

Оператор пожал плечами, посмотрел на Тимофея с удивлением: он впервые видел обычно добродушно улыбающегося и рассеянного ученого таким возбужденным и сердитым.

— Да кому надо?

«Выходит, кому-то надо», — решил тот и ринулся к шлюзовой камере.

В горле стоял ком, сердце колотилось в панике, но Тим все еще надеялся, что происходящее — всего лишь сбой программы. Вот сейчас он окажется внутри и выяснит, что все в порядке, никакого взлома с проникновением. Введя код протокола — из-за своего недавнего решения ему пришлось полностью провести процедуру в ручном режиме — он перешагнул через переборку горлового люка и локтем вдавил сенсорную панель, запирая за собой корабль.

Прислушался: никаких посторонних звуков, только мерный шелест системы фильтрации да прищёлкивание лепестков мембраны на гермопереборке.

— Добрый день, — механическим голосом приветствовал его искин. — У нас гость.

Тимофей пересек стыковочный зал, пристроил по пути короб с креодисками и вооружился для верности парализатором. Ворвался в грузовой отсек.

3

У стойки распределения груза спиной ко входу в отсек работал незнакомец; на вид — был ровесник Тимофея. Одет в черную форму сотрудников специальных подразделений Единой Галактики. На плече — шеврон галактической службы безопасности, однако волосы цвета льна были распущены не по уставу и рассыпались по плечам. Судя по всему на его фрегат пробрался представитель планеты Креонида, обычно не слишком дружелюбной к землянам (да что там говорить, креонидяне искренне удивлялись, почему отсталые гуманоиды Земли до сих пор не служат кормом для их питомцев!).

Застав «гостя» спокойно работающим в программе распределения груза, Тимофей растерялся.

Он прикидывал, упоминалась ли подобная ситуация в инструкциях. И не мог вспомнить ничего подходящего. В самом деле, на борт при наличии соответствующих адмиций могли ступить представители правоохранительных органов Единой Галактики. Что полиция, что служба безопасности не страдали от избытка вежливости и теоретически могли воспользоваться спецпротоколом. Но что им делать на борту рядового исследовательского корабля?

С другой стороны, незнакомец мог оказаться самозванцем-ряженым в форме безопасника. Грабитель? Что ему искать здесь? Даже дорогостоящего оборудования на борту нет. Пират? Что ему толку от одного тощего и в общем-то ничем не примечательного землянина?

Влезть на корабль, пристыкованный к станции приписки, взломав все мыслимые контуры защиты и коды… это было слишком большой наглостью даже для креонидянина.

Услышав шелест распахнувшейся за своей спиной гермопереборки, незнакомец обернулся и без тени смущения уставился на Тимофея, задержался взглядом на зажатом в руке парализаторе и, проигнорировав его, шагнул вперед. Встав напротив, убрал руки в карманы брюк и склонил голову к плечу.

— Наконец-то ты изволил явиться, я уже планировал отчаливать без тебя.

Тимофей икнул: наглость «гостя» заставила его сердце биться еще быстрее, вернув самообладание и способность говорить.

— Ты как сюда пробрался?

«Гость», хоть и оказался примерно одного с Тимофеем роста, умудрялся смотреть на него свысока, а после слов инженера — еще и с укором, бросил быстрый взгляд на шлюзовую камеру. Тимофей покраснел до кончиков ушей и уточнил:

— В смысле — зачем?

— Если опустить лишние и не интересные подробности, то мне надо заглянуть в одно место, — взгляд креонидянина на мгновение потерял ясность, из чего Тимофей догадался, что его гость врет. Или не договаривает. — И нам нужен хороший нейролингвист, как раз такой, как ты — у тебя отличные рекомендации… Ты бы не мог, кстати, убрать оружие? Немного нервирует.

Он качнулся с носка на пятку.

Тимофей моргнул и покраснел еще сильнее — жар теперь касался щек и шеи юноши. Но руку с парализатором отвел в сторону.

— Чьи? Чьи рекомендации?

Тимофей не понимал, что происходит, а гость продолжал лукаво улыбаться. Он говорил отрывисто, старался смотреть мимо землянина, а, услышав вопрос, задумался. На лице оказалась видна внутренняя борьба и усилия, которые приходилось предпринимать незнакомцу, чтобы не сболтнуть лишнего. Наконец, он выдавил:

— Эм-м, ну, как ты можешь догадаться, у меня есть кое-какой доступ к материалам кое-каких-там уголовных дел, — он выставил плечо, на котором красовался шеврон службы галак-

тической безопасности: звездная россыпь вокруг охотничьего капкана и серебряной семерки на багрово-красном фоне аккреционного диска. — Вот там-то ты и упоминаешься как отличный, талантливый, не в меру любопытный и умеренно беспринципный-ради-науки специалист. Как раз такой, как мне сейчас необходимо.

И он широко улыбнулся. Тимофей отметил метаморфозу «мне надо» из «нам нужно» и почувствовал, что сотрудничество ему предлагается с «душком». Он поморщился.

— Кому это «мне»? — Тим, наконец, убрал парализатор, вернув его в набедренный карман.

Гость, проигнорировав подозрительность, с которой смотрел на него хозяин фрегата, протянул руку:

— Ах. В самом деле… Я не представился. — Он церемонно уронил голову на грудь. — Ха́ско Дела́увер Болл, особый отдел службы безопасности Единой Галактики.

Тимофей недоверчиво взглянул на протянутую ладонь, но все-таки ответил на рукопожатие. Оно вышло вялым и неуверенным — хозяин фрегата все еще не чувствовал, что рад гостю.

— Тимофей Резников. Но, полагаю, ты знаешь.

Креонидянин кивнул. Он продолжал с любопытством, будто диковинку, разглядывать Тимофея. Тот откашлялся и отвел взгляд, спрятал за спину руки.

— И что за дело?

— Дело, которое надо провернуть, или дело, из которого я узнал о тебе? — уточнил новый знакомый, но тут же отмахнулся: — Впрочем, не трудись объяснять, я все равно не смогу тебе ответить. Как это у вас, землян, говорят? Меньше знаешь, слаще спишь?

Тимофей уклончиво кивнул. Первое смущение прошло, и теперь он отчетливо понимал, что улыбчивый креонидянин приглашает его присоединиться к довольно сомнительному — если не сказать «опасному» — путешествию. И вероятно, за него может полагаться тюрьма. Или смерть. И уж точно отстранение от работы в «Заслоне» и увольнение. Ни то, ни другое, ни тем более третье в планы Тимофея не входило. Поэтому, собравшись с духом, он предложил:

— Катись к скварру, кажется, так на вашей планете называют черта?

Креонидянин, уже вернувшийся было к стойке распределения грузов, замер и посмотрел на него с удивлением.

— К сожалению, не могу. У меня распоряжение моего руководства. Кстати, ты тоже не можешь отказаться, потому что согласием *твоего*руководства я *уже*заручился.

И он вытащил из пазов коммуникативного браслета-бромоха узкую полигласовую пластинку, напоминающую закладку для книги, и протянул ее Тимофею.

— Надеюсь, ты знаешь, как этим пользоваться?..— Во взгляде мелькнула издевка.

Тимофей, не отрываясь, смотрел на пластину, вернее, на эмблему службы безопасности на ее оболочке. Похоже, бесцеремонный гость в самом деле исполнял задание службы галактической безопасности.

Резников подошел к информеру и вставил в разъем пластину. Он старался держать гостя в поле зрения, а потому действовал медленно, ощупью находя кнопки ввода и набирая команды вслепую. Креонидянин, заметив это, фыркнул и презрительно закатил глаза, демонстративно вернулся к распределению груза на борту фрегата.

На мониторе перед Резниковым появилась короткая и емкая запись, из которой следовало, что Хаско Делаувер Болл — спецпосланник лично главы службы безопасности господина Легрида и выполняет его особое поручение, а все лица, кому будет предъявлена указанная адмиция, обязаны подчиняться ему и беспрекословно выполнять его требования.

Вторым слоем значилось послание от шефа экспедиционного корпуса «Заслона», на котором он выглядел мрачнее обычного и… был обескуражен. Но приказ следовать указаниям господина Болла подтвердил. А также предоставил разрешение воспользоваться базой и всем

дополнительным оборудованием, которое предоставлено Тимофею по согласованию с господином Боллом.

— Что за оборудование? — Тимофей окинул взглядом транспортные контейнеры с маркировкой «Заслона» — радиолокационная дуга внутри гравитационного фронта.

— О, до этого мы еще доберемся! А пока нам стоит поторопиться, дорога предстоит неблизкая… Кстати, чтобы развеять мысли будто я тебя использую, могу пообещать, что по окончании нашего путешествия у тебя будет стопроцентное доказательство того, что твоя гипотеза о марсианской цивилизации верна. Прости, но от твоего шефа я узнал о твоем провале на заседании комиссии… — Он выразительно пошевелил бровями, добавив: — И в качестве бонуса — код для расшифровки ее записей. Как тебе такая перспектива?

Тимофей мрачно вытянул пластину из информера и вернул Хаско:

— Выглядит, как подкуп.

Тот приподнял бровь и широко улыбнулся:

— Это именно он и есть. Приятно все-таки иметь дело с умными людьми!

4

Креонидянин действовал раздражающе самоуверенно. Он передвигался по фрегату, будто был его владельцем. Он велел отстыковаться от станции и закрепиться на излете гелиосферы. Ко всему прочему еще и постоянно отдавал распоряжения Тимофею, словно значился его начальником.

— Вот эти короба закрепи в грузовом отсеке у входа, на местах 2А, 6А и 4Б, — он сверился с собственными записями, — они нам скоро понадобятся. Остальные уберешь дальше. Но обеспечь удобство доступа ко всем…

Он указал на три необъятного вида немаркированных контейнера. Тимофей уставился на него, скрестил руки на груди, и креонидянин вымученно улыбнулся, добавив:

—…Пожалуйста.

— Что внутри? — Тимофей решил заартачиться, в конце концов, мало ли что этот «спецпосланник» собирается протащить на борт? Может, там зверь хищный? Или оружие? Может, там какие- то запрещенные к транспортировке устройства и их арестуют при первом же досмотре на станции дозаправки?

У Болла приподнялась бровь.

— Ты в самом деле хочешь знать?

Креонидянин пожал плечами, подошел к ближайшему контейнеру и, введя пароль на панели доступа, распахнул створки: внутри оказался скафандр последней модели для работы в открытом космосе, емкости с дыхательными смесями и системой жизнеобеспечения, две портативные медкапсулы-в транспортировочном режиме, локаторы, сверхчувствительные квантовые сканеры, алмазные буры и гравитационные установки. Все — новенькое, со штрихкодами испытательной лаборатории и гарантийными пакетами. Все — с приметной сине-белой эмблемой «Заслона». По сути, все то оборудование, которое Тимофей просил для работы на Марсе, но в свое время не получил.

Он смотрел на Хаско, с трудом выдавил:

— Откуда это у тебя?

Тимофей не мог представить, чтобы начальник экспедиции поделился с креонидянином таким богатством.

— В остальных комплектах такой же комплект? — не унимался Тимофей.

Хаско устало вздохнул, покачал головой.

— Ты задаешь так много вопросов, что я уже жалею, что поддался на твои уговоры и взял с собой…

У Тимофея в груди, словно опасное варево в колдовском котле, забулькало негодование. Он покраснел:

— Я? Я тебя уговаривал?

Креонидянин пожал плечами, безмятежно улыбнулся:

— Ну а кто ж еще?! Не я же… А вообще, давай к скварру эти детали, ты в команде и находишься на борту выделенного для моих нужд фрегата. Если тебя что-то не устраивает, я могу высадить тебя на первой же станции дозаправки. — Он уставился на потерявшего дар речи Тимофея, приподнял бровь: — Еще возражения есть? Вопросы?

— Есть … Судя по комплектации оборудования, мы планируем спускаться на поверхность планеты с неблагоприятными для жизни условиями …

— Еще какими неблагоприятными, — пробормотал Хаско и склонил голову к плечу, что, очевидно, должно было означать подтверждение слов землянина.

— …И я хочу знать, насколько там опасно.

Хаско поднял глаза к потолку, сделал вид, что задумался:

— По десятибалльной шкале баллов на двадцать.

Он захлопнул створки контейнера и снова повернулся к оторопевшему Тимофею.

— Нам предстоит высадиться на планету, на которую *никогда* не ступала нога ни одного гуманоидного существа. Она *абсолютно* не приспособлена к жизни, ни в какой форме… и когда я говорю «абсолютно», я имею в виду именно то, что говорю.

Впервые из его интонации исчезла напускная веселость.

— Но при этом тебе требуется инженер-лингвист… То есть планета заселена негуманоидными формами жизни? Разве нам тогда не нужна какая-то *особая* защита?

Креонидянин хмыкнул, как показалось Тимофею — снисходительно.

— Не волнуйся. Если что-то пойдет не так, ты умрешь быстро и безболезненно, Раха́кма — профессионал в этом деле. А пока пойдем, нужно еще настроить эту посудину.

Словно рыбка, заглотившая наживку, он потянулся за Хаско. В задумчивости исполнял его команды, одновременно перебирая в памяти все известные экзопланеты. Тимофей хмурился: теперь он знал название планеты, на которую отправляется, но к своему удивлению обнаружил, что оно вообще ни о чем ему не говорит. Ни в архивах, ни в отчетах археологических экспедиций, ни в древних манускриптах, ему на глаза это название не попадалось.

— А где это? — спросил, наконец.

Креонидянин в этот момент переставлял скафандры, освобождая дополнительную ячейку у стыковочного шлюза. Услышав вопрос землянина, он обернулся:

— Рахакма? — кажется, он ожидал этого вопроса. — Ты должен быть знаком с древними текстами о том, как некто Мардук выбросил Апсу и завладел Тиамат. Так вот, Рахакма — это все, что осталось от Апсу.

У Тимофея расширились глаза:

— Апсу? Я знаю, что такое «Апсу», так в шумеро-аккадской мифологии называли первого мужа Тиамат, богини хаоса и прародительницы всех чудовищ. Но это же… миф.

Хаско шумно вздохнул и покровительственно улыбнулся:

— Я все время забываю, что вы, в сущности, дети. Истина о мироздании вам доступна лишь в форме легенд и сказок. — Он развернулся к землянину. — Слушай, это правда долго объяснять, а время истекает… И я очень хотел бы все увлекательные разговоры и объяснения перенести на более позднее время, но, — он с сомнением посмотрел на Тимофея, — судя по твоему виду, ты не тронешься с места, если я не расскажу тебе хотя бы что-то, верно?

Тим продолжал пялиться на него, приоткрыв рот от изумления. Хаско опустил руки, сдаваясь:

— Давай будем сразу исходить из того, что тот миф, который ты знаешь — реальность. И касается он рождения нашей галактики в ее современном виде. Я не знаю, что там тебе подсказывает память, но будем исходить из того, что все так и есть. Просто заменяешь слово «бог» на слово «мега-звезда». И пока ты пытаешь осознать новую информацию, я поработаю.

Он болезненно скривился, наблюдая за оторопевшим Тимофеем.

— Моргни, если ты меня слышишь.

Резников моргнул и тут же собрался задать первую сотню возникших в связи с откровениями креонидянина вопросов, но тот предостерегающе поднял руку:

— Пока просто замени одно другим и оставь, как есть. И спокойно, не торопясь, переваривай… Сейчас, в самом деле, есть дело поважнее.

— И какое? — Тимофей огляделся. — Мы вроде все расставили, как ты хотел. Все загрузили.

— Твоя посудина. Она не долетит до Рахакмы, даже если я прикажу ей…

Тимофей хотел бы знать, почему — фрегат у него хоть и не самой последней модели, но вполне сносный.

—…Вопрос не в самом фрегате, понятное дело, — Хаско, кажется, умел читать мысли. Или Тимофей все-таки задал свои вопросы вслух, он уже не был уверен. — Нам нужны другие навигационные карты, которые позволят вести корабль, используя гравитационную сеть. А в твой искин их по умолчанию не загрузить, потому что в известной системе картографирования их нет.

Что-то екнуло под ребрами Тимофея, он поперхнулся — он догадался, о чем идет речь. Более того, он начал понимать, из какого конкретно уголовного дела креонидянин узнал о его, Тимофея, существовании. Он подался вперед и натолкнулся на предостерегающий взгляд Хаско:

— Ох, землянин, есть вопросы, ответы на которые лучше не знать.

***

— Господи, это же энергон! Откуда он у тебя? — Тимофей чувствовал, как паника медленно его накрывает, перехватывает гортань.

Устроившись в рубке, они сидели на полу вокруг щитка с главным нейроузлом, и креонидянин методично вытягивал жилы из плотно скрученного в моток лианина и, сверяясь с сохраненной схемой, отсоединял часть кабелей, чтобы подсоединить их снова, но уже в иной последовательности. Полученные соединения он прозванивал с помощью длинной стеклянной иглы. Выглядел при этом сосредоточенным и хмурым. Рядом с ним лежала распахнутая коробка со знакомой Тимофею эмблемой архива Единой Галактики и короткой надписью на интерлингве «Осторожно! Вещественные доказательства». Ниже нее был выгравирован цифро-буквенный код, очевидно, обозначавший номер уголовного дела и место его хранения. Из опустевшего теперь ложемента минутой ранее креонидянин и вытащил серебристое зернышко чуть крупнее бобового. Именно оно и вызвало возглас изумления у Тимофея.

Хаско Болл снисходительно фыркнул, в очередной раз угадав мысли землянина:

— Не волнуйся, я его не украл…

— Но у тебя его быть не может! — Тимофей смотрел на него с неподдельным ужасом.

Креонидянин с досадой отложил свое занятие и посмотрел на Тимофея:

— Если я признаюсь, что позаимствовал его, ты перестанешь орать и наконец позволишь мне сосредоточиться?

Тимофей тряхнул головой. Идея следовать за креонидянином казалась ему все более безумной. Более того, он уже сомневался, что врученная ему адмиция — не фальшивка. Он всерьез раздумывал, не пора ли ему вернуться на станцию.

— Нет, я не согласен. Так нельзя…

Взгляд, только что сверливший его с раздражением, внезапно потемнел, черты вытянулись, приобретя хищное и злое выражение. Креонидянин, который только что, соединяя липкие волокна лианина, беззлобно ругался, внезапно изменился. Хаско прошипел:

— Это ты мне будешь говорить, что можно, а что — нельзя?! Ты уверен, что можешь считать себя образцом честности? Может, мне напомнить, как ты подрисовал лишние линии на марсианском монументе, чтобы те сошли за аналогичные из Месопотамии?

Об этой позорной странице в своей биографии Тимофей старался забыть, тем более, что та запись, которую он в интересах науки «подкорректировал», его не спасла — проект все равно закрыли. Он побледнел.

— Откуда ты…

Губы креонидянина сжались в тонкую линию:

— Если ты скажешь еще хотя бы слово, я выброшу тебя за борт, и спишу это на несчастный случай. Веришь ты или нет, но мне за это ничего не будет. Так что советую не задавать мне лишних вопросов и следовать инструкциям, которые вы получили, господин Резников…

Тяжелый взгляд исподлобья и ледяная угроза в голосе — Тим не сомневался, Хаско вполне способен на жестокость. У Тимофея похолодело в желудке, а на висках выступила испарина. Он смог снова дышать только тогда, когда Хаско моргнул.

У Тимофея отлегло от сердца, стало свободнее дышать.

— Я позвал не на увеселительную прогулку, господин Резников, что бы вам не показалось изначально. Подразделение, в котором я служу, не занимается играми в шпионов.

— Так почему бы тебе не сказать, что происходит и куда ты меня тащишь?

Хаско вернулся к нейроузлу и снова принялся позванивать соединения.

— Если я расскажу, то должен буду умертвить, потому что это секретная информация. Согласись, приглашение тебя в экспедицию в таком случае теряет всякий смысл…

И улыбнулся. Безмятежность почти вернулась в его черты, однако Тимофей уже вряд ли забудет о недавней вспышке. Он поежился. Ерзал на месте и не решался спросить о том, что вертелось на языке.

Креонидянин тем временем перебрался в кресло пилота и занялся приборной панелью. Он вытащил вкладыши с нейрорацематом и через внешние разъемы на корпусе подсоединил к ним креоник. Подождал, пока на крохотном дисплее не загорится змейка из зеленых огоньков. Энергон при этом продолжал лежать на верхней у щитка. Вокруг серебристого зернышка по мере загрузки данных один за другим расправлялись голографические лепестки, в каждом из которых — миллионы терабайт запечатленной информации. От устройства исходил едва заметный, на грани слышимости гул. Он лился волнами, ударялся о стены и потолок рубки. Под обшивкой из-за этих ударов что-то похрустывало.

— Я чувствую, у тебя назрел вопрос, — не оборачиваясь к Тимофею, проговорил Хаско. — И тебя разорвет, если ты не задашь его прямо сейчас. Иали́с, валяй!

Тимофей не был в этом так уверен, поэтому с сомнением поглядывал то на креонидянина, то на его пальцы, нетерпеливо отбивающие такт по панели управления. Любопытство победило.

— Откуда у тебя схема подключения энергона? Я знаю только одного человека, который владеет этой технологией.

Тимофей имел в виду своего научного руководителя, землянина Артема Паукова. Очередной лепесток распустился вокруг зернышка энергона, снова разогнал силовое поле по рубке. Хруст под потолком повторился. Креонидянин прищурился, вслушиваясь в эти звуки, вздохнул:

— Я ведь уже говорил, что моя работа приоткрывает доступ к некоторым материалам… Вот, собственно, оттуда.

И пожал плечами. Змейка на его дисплее стала зеленой, он приступил к загрузке кода. Хаско последовательно вводил цифры и буквы межгалактического алфавита, дожидаясь, чтобы система приняла и обработала каждый сигнал. Тимофей подошел к нему, встал за спиной. Зерно, оперившись несколькими десятками лепестков, приподнялось над щитком, сформировав вокруг себя силовое поле.

— Очуметь… У тебя, в самом деле, получается…

Хаско покосился на него, скептически хмыкнул. Ввел финальную цифру кода.

— «Очуметь»? Занятное словечко… Можешь объяснить, что оно означает?

Тимофей перевел на него взгляд, набрал в грудь воздуха и сдулся, махнув рукой.

Убедившись, что программа загружена корректно — над приборной панелью сияло сине-зеленое облако из фрагментов кода, закрученных в спираль, креонидянин взял в руки энергон и осторожно, удерживая его двумя пальцами, поместил в центр образовавшегося поля. Оно мгновенно отреагировало — раскрывшись лепестками, обняло хрустальное зерно, проросло в него и, вырываясь из центра тонкими золотыми нитями, формировало новый, многократно усложненный код. Тимофей не мог отвести от него взгляд, ему чудилось, что перед ним вра-

щается крохотная галактика, а где-то в самом ее сердце — две черные точки, в окружении горячего облака газов.

Хаско бережно поместил энергон в крепления нейроузла — лианиновые нити плотно оплели его и засветились ярко-синим. Запер щиток и выдохнул с облегчением.

— Ну, вроде справились…

— И что теперь? — Тимофей заставил себя выйти из оцепенения.

— Теперь? Видишь ли, энергону нужно изменить конфигурацию навигационного кода. А для этого ему придется ненадолго отключить систему жизнеобеспечения и другие системы фрегата тоже… Поэтому нам стоит надеть свои СИЗы и подождать.

Тимофей не двигался — его интересовало другое «теперь». Хаско устало вздохнул — уловка не сработала. Пояснил:

— Расстояние, которое нам предстоит преодолеть, если двигаться привычными способами, равно примерно сотне наших с тобой жизней. Устройство, которое я подключил к твоему кораблю, позволяет искину проложить курс, используя гравитационные поля, что существенно сокращает наш путь и упрощает нашу задачу — мы сможем выполнить задание до того, как станет слишком поздно! Так понятнее?

Тимофей, подумав, кивнул.

В недрах главного нейроузла пульсировало крохотное ядро — конгломерат сохраненных в кристаллической структуре кодов, миллиарды терабайт информации о Вселенной, закованные в крохотное зернышко. Активированный энергон, получивший пусть и не самое совершенное, но все-таки тело, отправлял в Пустоту сигнал за сигналом. В ответ возвращалась тишина.

Новый сигнал — и снова молчание. Но Тьма уже заворочалась, беспокойно озираясь. Ее бездонные глазницы уставились на фрегат и бьющийся внутри него импульс. И вот тогда, разбуженное неосторожным любопытством, Нечто очнулось. Густые и вязкие нити зашевелились, раскрывая опасные объятия. Свет далеких звезд померк на мгновение, боязливо теряясь в потоках черной материи.

«Статус: я есть»,— прошелестело внутри Пустоты.

«*Запрос: апсу.ме.э»*

И обратной дороги не стало…

5

Прибор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.